

Империализмы Российской империи. Западные окраины в начале XIX века в официальных документах (по материалам РГИА)

Научный руководитель – Аржакова Лариса Михайловна

Шуляковская Ангелина Всеволодовна

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vol8408@yandex.ru

После трех разделов Речи Посполитой в пространство Российской империи оказалась включена новая деталь, которую предстояло осмыслить. Империя по отношению к своим окраинам мыслит себя как более цивилизованное пространство, как центр, из которого просвещение должно распространяться на периферию. Эта парадигма, «developmentalism» [12, с. 24], служила для оправдания права имперского центра управлять «младшими» «нецивилизованными» народами. Российская империя исповедовала эту модернизаторскую идею по отношению, в том числе, к жителям земель бывшей Речи Посполитой.

В марте 1812 года появилась записка неустановленного лица об улучшении организации земской полиции в польских губерниях. Автор записки, рассуждая о функциях полиции, концентрирует внимание читателя на том обстоятельстве, что «Виленской губернии царствует еще по старинному польскому навыку буйство, неповиновение и право сильного» [7, л. 9]. Сравнивая бытовое положение внутренних и «польских» губерний, некто рисует совсем неприглядную картину диких нравов местных жителей: «Для них власть полицейская все еще представляется чуждою. По незнанию границ при малейшем случае производятся нападения, драки и [...] смертоубийства» [7, л. 9]. Из записки неясно, идет ли речь о крестьянстве или о шляхте - и это симптоматично. Невежественное ли крестьянство или буйная шляхта, в привычках которой не было подчинения монарху - суть население окраин, которое Российской империи ещё предстоит колонизировать.

В 1824 году генерал-губернатор Белоруссии князь Н. Н. Хованский в переписке с архиепископом И. Булгаком сокрушался, что тамошние жители невежественны и безнравственны [3, л. 4 - 4 об.], и обратил на эту ситуацию внимание министра просвещения А. Н. Голицына. Голицын же, заинтересовавшись вопросом, написал полоцкому архиепископу Якову Мартусевичу, который отвечал, что причины падения нравов белорусских жителей - во всеобщей бедности, сопряженной «с горестным ощущением необходимейших физических потребностей» [3, л. 7]. В переписке чиновников подчеркивается бедственное состояние жителей Западных губерний [3, л. 7]. Администрация рассматривала местное население как дикарей, акцентируя внимание на их слабой религиозности, низком уровне грамотности и нищете. Безграмотность и бедность - состояние, которое было общим для крестьянства России, но чиновники сочли необходимым выделить эти черты на цивилизуемой территории, дабы еще отчетливее обозначить миссию империи (в переписке с И. Булгаком Н. Хованский прямо пишет о необходимости скорейшего искоренения «грубых черт» местного населения [4, л. 11 - 11 об.]).

Власть имперского центра артикулировалась и формулировалась не только в переписке чиновников, но и в предметах вполне материальных. В 1822 году И. Булгак получает письмо из провинциальной канцелярии, подтверждающее получение последних томов «Истории государства Российского» Н. Карамзина [2, л. 5]. Иногда книги - это просто книги, но в описанном выше случае томики Карамзина будут если не пропагандистской литературой и инструкцией по восприятию Западных окраин, то совершенно точно - выражением

имперского центра (учитывая позицию самого Н. Карамзина относительно Разделов [11, с. 42]).

Впрочем, Российская империя не предпринимала последовательных действий по отношению к Западным окраинам. Зачастую терминология официальных документов причудливо сочетает в себе то, что правильнее назвать «империализмами» и «колониализмами», и безразличие к статусу земель бывшей Речи Посполитой. Автор «Записки» о земской полиции, оперируя вполне имперскими парадигмами, называет Виленскую губернию «польской» - словно Польша всё ещё существует, и Вильно принадлежит ей. «Старинный польский навык» в записке существует в настоящем времени, когда земли Речи Посполитой уже включены в состав Российской империи.

Генерал-губернатор Белоруссии князь Н. Н. Хованский в официальной переписке с униатским митрополитом И. Булгаком не единожды требует улучшения религиозной пропаганды среди местного населения [3, л. 4-5]. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что дела с пропагандой в Белоруссии шли не вполне гладко. Однако эта проблема не была поднята до более высокого административного уровня. Империализмы князя Хованского не послужили началом масштабной религиозной кампании (во второй половине XIX века Российская империя будет куда расторопнее [10]). Близорукость империи в отношении Западных окраин наглядно иллюстрирует следующее дело. Весной 1813 года «по горячим следам» началось следствие по делу минского католического епископа Дедерко, оказывавшего помощь наполеоновской армии во время занятия ею территории Минской губернии. Как говорится в деле, Дедерко встречался с Наполеоном, переделал домовую православную церковь архиепископа в католическую, выбросив все иконы и «возмутил народ, бунтуя молодых людей, подговаривал их в службу французскую» [1, л. 6 - 6 об.]. Здесь нас заинтересует также и небольшое замечание о том, что Дедерко «с давних времен худого поведения» [1, л. 6]. Случай предательства Дедерко - отнюдь не единичный, но показательный. Зная о неблагонадежности местного священника, администрация не предпринимает ни превентивных мер, ни мероприятий постфактум. Таких эпизодов насчитывается множество, но все они сходны в одном - ни один из них не повлек за собой корректировки методов взаимодействия империи с окраинами. Просматривая отчеты губернаторов Западного края за первую половину XIX века, мы не встретим никаких поводов для беспокойства относительно настроений местных жителей [5,6]. Первые масштабные планы по колонизации Западных окраин появляются после восстания 1830 года [8, с. 7], первые масштабные действия - после восстания 1863 года [9]. Имперская политика Российской империи в Западных окраинах в первой половине XIX века оборачивается империализмами чиновников и, одновременно, безразличием и бездействием.

Источники и литература

- 1) РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4769.
- 2) РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 1399.
- 3) РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 1445.
- 4) РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 1467.
- 5) РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 10.
- 6) РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 13.
- 7) РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 34.
- 8) Горизонтов Л. В. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. – 272 с.

- 9) Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с., ил. – (Historia Rossica).
- 10) Долбилов М. Д. Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае империи: практика перевода (1860–1870-е гг.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. №1. С. 40–60.
- 11) Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991. – 127 с.
- 12) Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. – 2001. № 1–2. – С. 9–72.